

Пройдя таким образом километра четыре, Ваня внезапно наткнулся на немецкий пикет.

Было бы неправдой сказать, что он не испугался. Когда он вдруг увидел выросшие перед ним, как из-под земли, три тёмные фигуры в плащах и глубоких касках, похожих на котлы, Ваня почувствовал не то что страх, его охватил просто ужас. Слишком свежо ещё было в его памяти всё то, что он пережил за время своего пребывания «под немцами».

Ноги его подкосились, кровь жарко прилила к лицу, в глазах потемнело. Он задрожал всем телом, делая отчаянные усилия не стучать зубами. Свет электрического фонарика скользнул по его маленькой оборванной фигурке, осветил белую костлявую клячу, стоявшую во тьме, как привидение.

— Ну, какого чёрта ты здесь шляешься ночью, мерзавец? — крикнул немецкий грубый, простуженный голос.

И в этом каркающем, наглом, пронзительном и вместе с тем безжалостном голосе с какими-то самодовольными горловыми придыханиями мальчику послышались десятки, сотни слишком хорошо знакомых ему постылых немецких голосов всех этих комендантов, надзирателей, полевых жандармов, караульных начальников, патрульных, от которых он получил столько пинков и затрещин. Он быстро втянул голову в плечи и закрыл глаза, ожидая немедленно-го удара. И действительно он его тотчас получил. Сапог больно пихнул его в зад, и каркающий голос с придыханием крикнул по-немецки:

— Что же ты молчишь, негодяй? Отвечай, когда тебя спрашивают. А то ещё раз как дам!

Мальчик не понимал по-немецки. Но смысл немецкой речи был ему вполне понятен. Он достаточно хорошо, на своей шкуре, изучил этот немецкий смысл.

И вдруг страх исчез. Всю его душу охватила и потрясла ярость. Как! Его, солдата Красной Армии, разведчика знаменитой батареи капитана Енакиева, посмела ударить сапогом какая-то фашистская рванина?

Ванины глаза налились кровью. Ещё миг — и он бы кинулся на немца, бил бы его кулаками по морде, грыз его горло. Он знал, что он не один. Он знал, что рядом — друзья его, верные боевые товарищи. По первому крику они бросятся на выручку и уложат фашистов всех до одного. Но мальчик также твёрдо помнил, что он находится в глубокой разведке, где малейший шум может обнаружить группу и сорвать выполнение боевого задания.

Тогда он могучим усилием воли подавил в себе ярость и гордость. Он заставил себя снова превратиться в маленького придурковатого пастушка, заблудившегося ночью со своей лошадкой.

— Ой, дяденька, не бейте! — жалобно захныкал он, делая вид, что развозит по лицу слёзы. — Я коня своего

искал. Насилу нашёл. Целый день и целую ночь мотался. Заплутал. У, холера! — закричал он, замахиваясь кнутом на Серко...

Он опять стал хныкать.

— Пустите меня, дяденька. Я больше никогда не буду. Меня мамка дома дожидается. — И даже, как ему это ни было отвратительно, стал ловить руку немца, делая вид, что хочет её поцеловать.

— Пошёл к чёрту, дурак! — сказал немец, смягчаясь. — Забирай свою дохлятину и проваливай. Да не смей больше шататься по ночам. Повесим.

Он дал мальчику коленом под зад, а лошадь стукнул по спине автоматом, и немецкий пикет скрылся в темноте.

Тогда Ваня осторожно покрякал по-утиному, давая знать, что опасность миновала. Разведчики двинулись дальше.

* * *

Настало утро. День прошёл без всяких происшествий. Разведчики убедились, что Ваня действительно знает местность. Он очень точно, толково исполнял свою задачу проводника.

Пока Биденко и Горбунов сидели, спрятавшись где-нибудь в старом омёте или в кустарнике, Ваня уходил со своей клячей вперёд и осматривал местность, потом возвращался и крикал, давая знать, что путь свободен...

Ожидая Ваню, разведчики обычно не теряли времени даром. Они наносили на карту всё, что им удалось разведать по дороге...

Оставалось только разведать небольшую болотистую речку и отметить на карте те места, где можно было наиболее скрытно переправить орудия на другой берег вброд...

Но произвести эту сложную разведку днём — особенно найти подходящие броды, прощупать дно и измерить

глубину реки — было невозможно. Надо было дожидаться ночи. Поэтому Горбунов, который был старшой в группе, приказал заночевать на лугу, посреди болот, с тем чтобы перед рассветом пробраться к речке и, пользуясь утренним туманом, осмотреть берега, найти броды, промерить их и нанести на карту. После этого можно было возвращаться домой.

Так и сделали. Переночевали на лугу, а часа за два до рассвета Ваня взял за повод своего Серко и пошёл, как обычно, вперёд. Биденко и Горбунов стали его дожидаться. До речки было недалеко, и, по их расчётам, Ваня должен был воротиться самое большее через час.

Но прошёл час, потом два, потом три, а Ваня не возвращался. Вместо него пришёл один Серко. Тогда разведчики поняли: с Ваней приключилась беда. Надо было идти на выручку...

Горбунов, как старшой, сделал Биденко знак рукой следовать за ним. Они осторожно и плавно поползли по лугу, от кочки к кочке, иногда останавливаясь для того, чтобы осмотреться.

Разведчики поползли в том направлении, куда ночью ушёл Ваня. В иных местах на топкой почве были ещё довольно ясно заметны следы его босых ног...

Когда началось болото, следы вовсе пропали. Теперь двигались по компасу, в направлении речки...

Скоро разведчики увидели низкий луговой берег, кое-где поближе к воде поросший густым камышом. На противоположном высоком берегу синел лес.

Прежде чем двинуться дальше, Горбунов и Биденко долго лежали, внимательно изучая местность. Берег реки хотя и был пуст, но внушал опасение. На поверхности ещё довольно яркого, мокрого луга были видны многочисленные следы грузовиков...

Было похоже, что где-то недалеко совсем недавно строи-

ли мост. Несомненно, мост был тут, только его скрывали камыши. Но раз был мост, значит, была и охрана. И этого следовало опасаться. Что же касается леса на противоположном берегу, то в нём явно стояла воинская часть или находились штабы: в нескольких местах над лесом подымались дымки, а в одном месте на опушке, между корнями деревьев, просматривалось какое-то инженерное сооружение, тщательно затянутое зелёной маскировочной сетью. Это мог быть орудийный блиндаж, наблюдательный пункт или бруствер¹ пехотного окопа...

Видно, немцы здесь сильно укрепились и готовились к долговременной обороне.

Это было очень важное открытие, и разведчики напряжённо всматривались в местность, стараясь запомнить все подробности для того, чтобы позже, когда представится возможность, нанести их на карту по памяти.

Однако, как бы то ни было, дольше оставаться здесь было невозможно, надо было поскорее уходить. Но они медлили. Разве могли они бросить товарища в беде и вернуться в часть без Вани?..

Между тем время шло. Надо было принимать какое-нибудь решение.

Биденко и Горбунов лежали в небольшой заросли молодого дубняка, не сронившего ещё своей жёсткой коричневой листвы. Они лежали и напряжённо думали.

Вдруг Биденко у самых своих глаз увидел на земле предмет, который чуть не заставил его крикнуть. Это был химический карандаш, тот самый маленький химический карандашик с маркой «Химуголь», который Биденко недавно подарил Ване и который Ваня постоянно таскал в своей торбе.

¹ Бру́ствер — насыпь для укрытия стрелков и орудий от неприятельского огня.

— Кузьма,— шёпотом сказал Биденко, показывая глазами на карандаш.

Горбунов посмотрел и ахнул. И тотчас множество мелких и даже мельчайших подробностей, на которые солдаты не обратили внимания именно потому, что эти подробности были так близко, сразу со всех сторон бросились им в глаза.

Они увидели пучок белого конского волоса, повисшего на сучке. Они увидели втопанную в землю недокуренную немецкую сигарету. Они увидели целый ворох листьев, сбитых с поломанного куста. Наконец, они увидели немного подальше верёвочный кнут Вани.

Земля вокруг была истоптана, изрыта солдатскими сапогами, подбитыми железом.

Из всех этих подробностей перед ними вдруг встала страшная картина того, что здесь произошло несколько часов тому назад...

* * *

...Ване Солнцеву было мало того, что его берут в разведку проводником. Он знал, что быть проводником — почётное, ответственное задание. Но ему этого было мало. Его слишком горячее, ненасытное сердце требовало большего. Ему захотелось прославиться, удивить всех.

Перед тем как отправиться в разведку, Ваня — втайне от всех — раздобыл себе компас... Карандашик у Вани уже был. А вместо записной книжки он решил воспользоваться букварём. Таким образом снарядившись по всем правилам, «пастушок» и стал действовать, как настоящий разведчик.

Во время разведки, дожидаясь Ваню, ушедшего вперёд, Горбунов и Биденко понятия не имели, чем без них занимается мальчик. Они думали, что он просто идёт со своей лошадкой, «изучает» местность, потом возвращается и докладывает, свободен ли путь.

Но Ваня делал не только это. Подражая разведчикам, он вёл самостоятельные наблюдения. Сопя и прилежно наморщив лоб, он возился с компасом, устанавливая азимут. На полях своего букваря он записывал каракулями какие-то, одному ему ведомые, ориентиры и цели.

Наконец, он даже делал попытки снимать план местности. Коряво, но довольно верно он рисовал условными знаками дороги, рощи, реки, болота.

Именно за таким занятием и застал его немецкий комендантский патруль, когда он, расположившись со своим компасом и букварём в дубовом кустарнике, снимал план местности с речкой и новым мостом, который Ваня действительно разведал в камышах.

Нетрудно себе представить, что случилось потом.

Ваня сопротивлялся яростно и отчаянно. Но что мог сделать мальчик против двух солдат немецкого комендантского патруля?

Скрутив Ване за спину руки и толкая его прикладами, они повели его через новый мост на гору, в лес.

Здесь они втолкнули его в глубокий тёмный блиндаж и заперли...

* * *

Ваня очнулся в полной темноте от страшных ударов, трясших землю. Его подбрасывало, швыряло от стенки к стенке, качало. Сверху с сухим шорохом сыпался песок. То он бежал тонкими ручейками, то вдруг обваливался громадными массами. Ваня чувствовал на себе тяжесть песка. Он был уже полузасыпан. Он изо всех сил работал руками, пытаясь выкопаться. Он обдирал себе ногти. Он не знал, сколько времени он был без сознания...

С большим трудом, натыкаясь на трясущиеся стены, мальчик пополз отыскивать дверь. Он искал её долго и на-

конец нашёл. Но она была заперта снаружи и не поддавалась.

Вдруг совсем близко, над самой головой, раздался удар такой страшной силы, что мальчик на миг перестал слышать. Сверху, едва не стукнув его по голове, упало несколько брёвен.

Дощатая дверь, сорванная с петель, разбилась вдребезги. Сквозь раскиданные брёвна наката ярко ударил в глаза едкий дневной свет. Послышался слитный звук множества пулемётов, работающих совсем близко, как бы наперегонки.

Бомба, разметавшая блиндаж, где сидел Ваня, была последней. В наступившей тишине отовсюду слышалась машина боя, пущенная полным ходом. В её беспощадном, механическом шуме возвратившийся слух мальчика уловил нежный, согласный хор человеческих голосов, как будто бы где-то певших: а-а-а-а!

И в Ванином сознании повторилась фраза, уже однажды слышанная им у разведчиков: «Пошла царица полей в атаку».

По осыпавшимся, заваленным земляным ступенькам мальчик выбрался из блиндажа и припал к земле. Он увидел лес, тот самый лес, в который его так недавно приволокли фашисты... Ваня тотчас понял, что немцы уже очистили лес, но наши ещё в него не вошли...

С сильно бьющимся сердцем, прижавшись к земле, Ваня ждал, когда же наконец покажутся свои.

И вот они показались.

Первым был большой солдат в грязной, разорванной развевающейся плащ-палатке. Он пробежал между стволами, упал на колени, быстро переменял диск в автомате, потом лёг и прицелился.

Ване казалось, что он прицеливается целую вечность. А на самом деле он целился всего несколько секунд. Он

выбирал. Наконец он нажал спусковой крючок. Автомат с круглым чёрным диском затрясся от короткой очереди.

И в тот же миг Ваня узнал солдата. Это был Горбунов. Но как он изменился! Это был всё тот же богатырь — плотный, широкий, даже толстый, но куда девалась его добродушная, свойская щербатая улыбка? Теперь его лицо с белыми ресницами, озабоченное, разъярённое боем, тёмное от копоти, смотрело грозно.

Как не похож был этот Горбунов на того Горбунова, которого Ваня привык видеть, — чисто выбритого, белого, розового, доброжелательного.

Но если тот Горбунов был просто хорош, то этот был прекрасен.

— Дядя Горбунов! — крикнул Ваня тонким голосом, стараясь перекрыть шум боя.

И в ту же минуту глаза их встретились.

На лице Горбунова вспыхнула радостная улыбка — та, прежняя, широкая, артельная улыбка, открывшая щербатые зубы.

— Пастушок! Ванюшка! — крикнул Горбунов на весь лес своим богатырским, но вместе с тем и немного бабьим высоким голосом. — Будь ты неладен! Гляди — жив! А я думал — ты и вовсе пропал. Друг ты мой сердечный, ну что ты скажешь, — говорил он, одним махом очутившись рядом с Ваней. — Ну, брат, задал ты нам заботу!

Он крепко обнял мальчика, прижал его к себе, потом взял горячими руками за щёки и два раза поцеловал в губы жёсткими солдатскими губами...

1. Найди и прочитай отрывок, в котором рассказывается, как разведчики разрабатывали план разведки. Какое место в ней отводилось Ване?
2. Правильным ли оказался расчёт разведчиков? Покажи это на примере первого столкновения «пастушка» с немецким пикетом.
3. Какие чувства испытывал Ваня во время этого столкновения? Какие качества характера помогли ему провести, обмануть гитлеровцев?
4. Какие поступки, непростительные для человека, которому дано боевое задание, совершил Ваня? Всё это он делал с самыми лучшими намерениями. Но подумай, как эти поступки могли отразиться на судьбе разведчиков.
5. Как разведчики догадались о том, что произошло с Ваней и как он вёл себя во время второго столкновения с фашистами? Прочитай об этом.
6. Подготовься к чтению разговора Биденко с Горбуновым по ролям.
7. Кратко, как будто ты докладываешь командиру, перескажи содержание всего рассказа.
8. О том, как Ваня держал себя во время допроса, а также о дальнейшей его судьбе ты можешь узнать, если прочитаешь повесть В. Катаева «Сын полка».

РАССКАЗ ТАНКИСТА.

А. Твардовский.

Был трудный бой. Всё нынче, как спросонку,
И только не могу себе простить:
Из тысяч лиц узнал бы я мальчонку,
А как зовут, забыл его спросить...

Шёл бой за улицу. Огонь врага был страшен,
Мы прорывались к площади вперёд.
А он гвоздит — не выглянуть из башен,—
И чёрт его поймёт, откуда бьёт.

Тут угадай-ка, за каким домишкой
Он примостился,— столько всяких дыр,
И вдруг к машине подбежал парнишка:
— Товарищ командир, товарищ командир!

Я знаю, где их пушка. Я разведал...
 Я подползал, они вон там, в саду...
 — Да где же, где?..— А дайте я поеду
 На танке с вами. Прямо приведу.
 Что ж, бой не ждёт.— Влезай сюда, дружище! —
 И вот мы катим к месту вчетвером.
 Стоит парнишка — мины, пули свищут,
 И только рубашонка пузырём.
 Подъехали.— Вот здесь.— И с разворота
 Заходим в тыл, и полный газ даём.
 И эту пушку, заодно с расчётом,
 Мы вмяли в рыхлый, жирный чернозём.
 Я вытер пот. Душила гарь и копоть:
 От дома к дому шёл большой пожар.
 И помню, я сказал: — Спасибо, хлопец! —
 И руку, как товарищу, пожал...
 Был трудный бой. Всё нынче, как спросонку,
 И только не могу себе простить:
 Из тысяч лиц узнал бы я мальчонку,
 Но как зовут, забыл его спросить.

1. Перечитай стихотворение и постарайся представить себе бой, о котором вспоминает танкист, картину за картиной, эпизод за эпизодом.
2. Как поэт показывает, что это был наступательный бой и шёл он за небольшой городок? Из каких строк это видно? Перечитай их.
3. Почему танкисты вынуждены были остановить танк?
4. Что делал мальчик до прихода наших войск? Из каких строк мы узнаём об этом? Какие качества помогли ему оказать помощь танкистам?
5. Каким образом поэт убеждает нас, что танк с парнишкой на борту быстро понёсся к вражеской пушке?
6. Расскажи, каким тебе представляется мальчик: его возраст, поступки, черты характера.
7. Что помешало командиру танка узнать имя отважного мальчика?
8. Стихотворение начинается и заканчивается одной и той же строфой. Что этим хотел подчеркнуть поэт?

ПЕРЕДОВАЯ НА ЭЙЗЕНШТРАССЕ¹.

(В сокращении.)

Б. Полевой.

Шли ожесточённые бои на улицах Берлина. Наш батальон, прорвавшийся к центру города, напоролся на немецкую засаду и занял позицию в подвале разрушенного дома, стены которого гудели от стрельбы артиллерийских орудий.

Стены подвала гудят от близкой и далёкой канонады², но своды его крепки. В конце подвала видна ярко освещённая солнцем позиция³. Частые пулемётные гнёзда, удобно выложенные из кирпича, фигуры автоматчиков, распластавшихся за камнями. Потолок подвала здесь обрушен, люди находятся как бы в широкой кирпичной траншее. В правом углу этой траншеи толпятся солдаты. Они к чему-то прислушиваются, и на их лицах застыло выражение тревоги.

— Что за митинг? — спрашивает капитан...

— Ребёнок там, — поясняет кто-то, неопределённо махнув рукой за стену укреплений...

— Ребёнок? Не может быть. Откуда?

— Разрешите доложить, товарищ капитан! — вытягиваясь, шагает вперёд ефрейтор Тихомолов. — Обстановка следующая. Вон там среди улицы... фрау⁴ убило — вон она среди кирпичей лежит, отсюда видно, только не высывайтесь, там у них снайпер есть... Фрау-то убило, а маленький жив — копошится возле неё, плачет. Когда стихает, отсюда хорошо слышать.

Сквозь гул и грохот уличных боёв действительно порой

¹ Эйзенштрассе — название одной из улиц в Берлине.

² Канонада — стрельба из артиллерийских орудий.

³ Позиция — место расположения войск для боевых действий.

⁴ Фрау — по-немецки женщина.

доносился детский плач. Среди чёрных, дымящихся развалин, сотрясаемых взрывами и выстрелами, этот нежный, тонкий, захлёбывающийся плач был самым страшным звуком, от которого мороз продирает по коже.

— Да, штука,— озадаченно отозвался капитан.— Ишь, надрывается... А спасти нельзя?

— Трудно, товарищ капитан,— говорит рассудительный Тихомолов.— Он тут со своей насыпи каждый камень на прицеле держит. Ребята для пробы пилотку на прикладе чуть-чуть из окна высунули. В двух местах её пропорол, и приклад — в щепки. Видать, снайпер классный бьёт.

Плач доносился из самой середины «ничейной» развалины... — беспомощный, безутешный, захлёбывающийся. Этот нежный, сиротливый звук, кажется, не могла заглушить никакая канонада.

Когда плач стихал — на лицах солдат появлялось выражение тоскливой безнадёжности, когда возобновлялся — все облегчённо вздыхали.

— Эх, была не была! — сказал вдруг Тихомолов, решительно насунув на уши пилотку, шагнул к брустверу.

— Куда? У тебя у самого трое! — остановил его сержант Лукьянович.

И, оттолкнув Тихомолова, вдруг сам метнулся к стене. И, прежде чем кто-нибудь успел его остановить, перемахнул через бруствер. Скрылся за ним.

Тихомолов остановился с таким видом, словно кто-то ударил его по голове. С немецкой позиции... всполошённо хлестнуло несколько автоматных очередей. Послышалась торопливая скороговорка пулемёта.

— По нему бьют, негодяи,— прошептал капитан, бледнея.— Связной, пулемётчикам — огонь по их амбразурам!¹..

¹ Амбразу́ра — бойница, отверстие для стрельбы.

Капитан сорвал фуражку и осторожно, бочком выглянул из-за камня.

— Ползёт, как ящерица, даже отсюда не видно. Ага, молодец, уже близко! Связной, пулемётчикам открыть ураганный!

Теперь вся позиция точно тряслась в нервной дрожи пулемётных очередей. Пули цвикали и с острым визгом рикошетили среди развалин.

— Дополз! — торжествующе вскрикнула девушка-санинструктор, прибежавшая на звук перестрелки.

Сержант добрался до развалин. Под прикрытием их он был в безопасности... Все облегчённо вздохнули. Пулемёты смолкли и с той и с другой стороны. Настала тишина, нарушаемая лишь звуками далёкой канонады, и в тишине этой отчётливо слышалось, как детский плач начал постепенно переходить на всхлипы и как успокаивающе что-то бубнил мужской голос.

— Живы, — тяжело дыша, точно после быстрого бега, сказал Тихомолов. — До темноты пересидит, там выручим.

Все бойцы скопились у выхода из подвала. Подходили отдыхавшие, застёгивая на ходу гимнастёрки, проверяя затворы автоматов, узнавали, в чём дело, и вытягивали шеи, прислушиваясь к звукам, нёщимся с... развалины. Все молчали, и только сестра, нервно теребя свою сумку, заворожённо шептала:

— Только б уцелел, только б уцелел!

Вдруг снова с насыпи рванули пулемёты.

— Ребята, вылез, — крикнул откуда-то сверху наблюдатель, — несёт маленького... Эй, да ложись ты, ложись, чёртушка!

Но, к общему удивлению, пулемёты на той стороне улицы смолкли.

Сержант медленно полз, и наблюдатели сообщали: